

О ГРАМОТНОСТИ ВЪ ВОЙСКАХЪ. (*)

Сокращеніе срока солдатской службы, отбѣна тѣлеснаго наказанія и необходимость разумнаго развитія солдата, какъ тактической единицы, внесли въ бытъ войска новыя условія и новыя основы. Войско живетъ уже новою жизнію.

Если перемена эта не кажется такою рѣзкою и великою, какою она есть въ сущности, то потому, что она совершилась не какъ отдѣльное, случайное явленіе, а въ строгой послѣдовательности и соотвѣтственно коренному преобразованію быта всего народа.

Въ этомъ жизненномъ процесѣ переходъ отъ стараго порядка къ новому, какъ бы онъ ни былъ послѣдователенъ, всегда представляетъ самый критическій періодъ, самый впечатлительный моментъ. Это почти то же, что переходъ отъ дѣтства къ юношеству, отъ безсознательности и безотвѣтности къ пониманію и чувству долга, отъ преобладанія формы къ духовному развитію.

Одно изъ могущественныхъ средствъ умственнаго и нравственнаго, т. е. духовнаго, развитія есть литература, и орудіе ея—грамотность. Въ этомъ теперь уже почти никто не сомнѣвается; но не будетъ лишнимъ яснѣе и точнѣе опредѣлить дѣйствительную силу и способы этого орудія и очертить точное значеніе грамотности.

Прежде, нежели начнемъ непосредственное опредѣленіе значенія грамотности, можетъ быть, полезно было бы порѣшить вопросъ: что именно замѣнила грамотность въ солдатскомъ

(*) Статья эта получена редакціею въ мартѣ мѣсяцѣ, но, по обилію матеріаловъ въ редакціи, не могла быть напечатана ранѣе.

быту? какому орудію прежняго развитія солдата соотвѣтствует грамотность?

Если припомнимъ, что нѣкогда—въ періодъ исключительнаго развитія формы, внѣшности — были въ ходу афоризмы въ родѣ: „за битаго двухъ небитыхъ дають“, „дерево нѣмо, а вѣжеству учить“ и т. п., и если сообразимъ, что и теперь еще слова: „бить и учить“ часто употребляются въ народѣ какъ синонимы, наконецъ если взглянуть въ сущность недавняго быта солдатскаго, то нельзя не согласиться, что непослѣднимъ нравственнымъ стражемъ, двигателемъ и орудіемъ развитія солдата было тѣлесное наказаніе.

Уничтоженное тѣлесное наказаніе, какъ средство развитія, замѣнилось другимъ облагороженнымъ средствомъ—нравственнымъ дѣйствіемъ убѣжденія, способомъ слова, литературы. Орудіе этого способа — грамотность. Это новое орудіе должно быть опредѣлено точно.

Все, что намъ случалось читать о грамотности въ войскахъ и въ народѣ, приводитъ къ заключенію, что самое понятіе „грамотность“ объясняется у насъ очень различно и неопредѣленно: одни называютъ грамотностию умѣнье *читать*, хотя бы и механическое умѣнье; другіе — *читать и понимать читаемое*; третьи—*читать и писать*, безъ чего умѣющій только читать называется полуграмотнымъ. Наконецъ есть неопредѣленные выраженія: *малограмотный, слабограмотный* и т. п.

Такая неотчетливость понятія выражаетъ различныя мнѣнія о самомъ значеніи грамотности, о силѣ и дѣйствительности ея въ дѣлѣ развитія и образованія. На такихъ мнѣніяхъ основываются и различные способы и степени обученія людей грамотѣ. Вотъ почему можетъ возникнуть неопредѣленная грамотность разныхъ стѣпеней и даже обратить полезное орудіе развитія въ орудіе отупленія человѣка.

Надо условиться разумѣть понятіе *грамотность* въ дѣйствительномъ его смыслѣ, а такой смыслъ, конечно, единственъ.

Грамота есть форма слова, видимое выраженіе или изображеніе его. Составныя части этой формы—звуковые знаки, буквы. Умѣнье сочетать эти знаки есть *чтеніе*.

Такъ какъ цѣль грамоты—передача слова знаками, то понимающій слова и смыслъ ихъ посредствомъ чтенія есть *гра-*

лотный, а непонимающій, хотя бы и умѣющій читать, т. е. считать знаки—*безграмотный*.

Быстрота или медленность чтенія означаетъ только степень навыка или зоркости, но никакъ не степень грамотности.

Письмо есть второстепенное, собственно графическое искусство. При обладаніи искусствомъ чтенія, оно, безъ особенныхъ усилій, приобрѣтается удобно, и всего удобнѣе—вмѣстѣ съ изученіемъ чтенія.

Выраженіе „*грамота*“ на славянскомъ языкѣ есть *двойственное число* (*) умѣнья читать и умѣнья писать. Такъ оба эти умѣнья представлялись нераздѣльными въ понятіяхъ первыхъ учителей нашего кореннаго языка.

Слѣдовательно, понятіе „грамотность“ должно означать не что иное, какъ умѣнье *читать и понимать* читаемое, разумѣется на столько, на сколько это читаемое соотвѣтствуетъ общему развитію понятій и свѣдѣніямъ читателя. Затѣмъ понятія: малограмотность, полуграмотность, слабограмотность, означая степень бѣглости, ловкости чтенія, не оцѣняютъ степени пониманія: кто не понимаетъ читаемаго, тотъ, какъ сказано, безграмотенъ.

Тамъ, гдѣ грамотность распространена въ народѣ, нельзя, за рѣдкимъ случайнымъ исключеніемъ, встрѣтить полуграмотныхъ и малограмотныхъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается у насъ. Есть и тамъ не мало безграмотныхъ, но (говоря вообще) всѣ грамотные и малограмотные понимаютъ читаемое. Малограмотность тамъ означаетъ непривычку, неоконченность умѣнья. О такихъ же спеціалистахъ, какъ на примѣръ гоголевскій Петрушка, тамъ нѣтъ и понятія. А у насъ это художественный прототипъ цѣлой—къ счастью, исчезающей—породы грамотевъ.

Откуда же взялась эта порода? Происхожденіе ея обыкновенно приписывалось исключительно дурной, ступляющей методѣ ученья. Но, разумѣется, не менѣе дурной методы дѣйствовала тутъ совокупность всѣхъ условій умственной жизни (или смерти) той среды, въ которой возникали грамоты. Не говоримъ о писаряхъ—они приготовлялись съ одною техническою цѣлю и немудрено, что, при самомъ бойкомъ чтеніи и красивомъ почеркѣ, отличались непроходимой бессмыслицей—но

(*) *Двойственное число* означаетъ совокупность только двухъ однородныхъ предметовъ.

и изъ всѣхъ грамотѣевъ стараго времени рѣдкій обладалъ неповрежденнымъ смысломъ. Безотрадная тѣснота общаго умственнаго горизонта не давала способа правильно развернуться даже любознательнымъ натурамъ, а все остальное такъ и дышало полнымъ безсмыслиемъ переднихъ, караулокъ и прочихъ приютовъ тоскливаго бездѣйствія. Это и были школы Петрушекъ.

Теперь подобные богатыри невозможны: какъ душно ни учите человѣка, но настоящія условія общественнаго быта не дадутъ развиться умственному косячню до такихъ уродливыхъ размѣровъ. Конечно, еще возможно искусственное и даже успѣшное отупленіе человѣка именно тупымъ способомъ ученія; но то, что прежде было жалкою необходимостію или наивнымъ невѣдѣніемъ, то теперь становится неизвинительнымъ упущеніемъ и даже общественнымъ проступкомъ.

Опредѣливъ точный смыслъ понятія „грамотность“, мы, конечно, уясняемъ себѣ, что она есть дѣйствительное орудіе развитія. А тупое умѣнье читать и писать, неслужащее развитію, относится больше къ категоріи гимнастики — упражненія памяти, зрѣнія, руки или языка, упражненіе бесплодное, вредное.

Отношеніе между обѣими грамотностями ровно такое же, какъ между цвѣтомъ и пустоцвѣтомъ плодовыхъ растений; слѣдовательно, не только нельзя разводить этого пустоцвѣта, но должно уничтожать его — переучивать такихъ грамотѣевъ.

Но *должно* только то, что *можно*. Гдѣ, по недостатку средствъ, невозможно примѣненіе здравыхъ теорій къ дѣлу, тамъ неизбежна терпимость отклоненій отъ правилъ. Тѣмъ не менѣе рациональныя правила должны быть выяснены, чтобы, по возможности, не удалаться отъ цѣли и всегда имѣть ее въ виду. А противъ закона необходимости ничего не подѣлаешь.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нашихъ способахъ обученія грамотѣ, о руководствахъ и букваряхъ разныхъ методъ.

Очень многіе жалуются, что у насъ нѣтъ одного общепринятаго, разсмотрѣннаго специалистами и обязательнаго для всѣхъ школъ руководства, которое дало бы лучшую методу ученія, водворило бы всюду однообразіе преподаванія и отстранило бы произвольный выборъ букварей. Жалоба эта имѣетъ свое основаніе, но очень можетъ быть, что руководства такого потому и нѣтъ, что оно еще не нужно.

Повсемѣстно, во всей природѣ, преобладаетъ, повидимому, странный, но въ сущности очень остроумный законъ: гдѣ что нужно, тамъ то и есть; а чего нѣтъ, то, значить, и ненужно. Это—кажущаяся софизмомъ—сущая истина. Вопросъ: помогло ли бы намъ, или только затруднило бы насъ общее для всѣхъ руководство?

Учителей у насъ мало, и почти всѣ они сами учились по разнымъ методамъ. Не каждый изъ нихъ можетъ, по недостатку времени, неохотѣ или по неспособности, усвоить новую методу въ совершенствѣ, а привыкнувъ къ своей, учить по ней, конечно, лучше, чѣмъ училъ бы по всякой другой. Значить, всякая обязательность скорѣе повредила бы дѣлу, нежели поправила бы его. Для людей же любознательныхъ и досужихъ и обязательства не надо: они сами отыщутъ и усвоятъ что имъ нравится. Во французской арміи введена обязательно одна метода и одинъ учебникъ Роланда; но во Франціи такое обиліе учителей, что мѣра стѣснительная у насъ у французовъ оказывается необходимою и регулируетъ дѣло.

Въ букваряхъ у насъ теперь нѣтъ недостатка: есть буквари всевозможныхъ методъ, начиная отъ церковнаго *азъ, буки, въди*, гражданскаго *а, б, в*, до новѣйшихъ методъ Жакото и звуковой. Первый букварь признанъ неудобнымъ, второй тоже не рекомендуется; буквари: составленный совѣтомъ с.-петербургскихъ воскресныхъ школъ, Паульсона, Главинскаго и др. считаются хорошими и расходятся въ большомъ количествѣ. Каждый изъ нихъ, разумѣется, имѣетъ свои недостатки. Дѣло въ томъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ составить хорошую и дешевую элементарную книгу, удовлетворяющую всѣхъ. Съ этой именно цѣлю въ 1861 совѣтъ с.-петербургскихъ воскресныхъ школъ избралъ изъ среды своей спеціалистовъ и поручилъ имъ дѣло. Послѣ долгихъ и горячихъ преній, передѣлокъ и усовершенствованій, вышелъ наконецъ букварь. Онъ тогда же былъ приложенъ къ „Солдатской Бесѣдѣ“. Чтобы имѣть понятіе, въ какой мѣрѣ этотъ букварь удовлетворилъ всѣхъ, надо прочесть письма, полученныя редакціей изъ разныхъ полковъ: одни хвалили и благодарили за букварь, другіе находили его совершенно негоднымъ къ употребленію. Одинъ учитель явился въ редакцію и, отъ имени товарищей своихъ, просилъ исправить букварь: переходъ отъ буквъ прямо къ чтенію словъ — хотя и изъ простыхъ слоговъ — казался имъ неборимую не-

сообразностию. А этот-то переход и составляет основание методы, уничтожившей бесполезное заучивание бессмысленных слоговъ. Такова сила привычки: учитель признавалъ рациональность методы, но находилъ невозможнымъ практическое примѣненіе ея. Конечно, онъ былъ правъ: сила привычки—явленіе естественное, слѣдовательно законное; но и метода не виновата.

Въ этомъ, какъ и во всемъ, кажется, слѣдуетъ держаться правила: ничего не насиловать, не ломать, а исподоволь гнуть, направлять, уступая въ мѣру. Все на свѣтъ подается. Еще недавно были защитники кириловской азбуки и убѣдительно доказывали популярность ея; теперь едва-ли кто начинаетъ обученіе по этому букварю. Методы Жакото и звуковой безспорно лучшія, но онѣ требуютъ толковаго и внимательнаго занятія съ ученикомъ. При недостаткѣ учителей и множествѣ учениковъ, такое неудобство непобѣдимо; это и заставляетъ многихъ обращаться къ старой, медленной и отупляющей методѣ задалбливанія всевозможныхъ слоговъ.

За то встрѣчаются примѣры и противоположные; между завѣдывающими школами и командами есть личности, неудовлетворяющіяся формальнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей: не останавливаясь передъ препятствіями и недостатками средствъ, они сами создаютъ средства и не только учатъ по лучшимъ букварямъ, а даже сами составляютъ буквари для своихъ учениковъ. И буквари эти, разумѣется, лучше лучшихъ уже потому, что они созданы — какъ создаются гениальные планы сраженій—на мѣстѣ дѣйствія, съ соображеніемъ всѣхъ *настоящихъ* потребностей. Да чего стоитъ одна вѣра учениковъ въ своего учителя! Нашъ, молъ, прапорщикъ, капитанъ или майоръ самъ сочинилъ букварь!

Положимъ, капитанъ присочинилъ ивогда бездѣлицу; но эта же бездѣлица, которая направляетъ, напримѣръ, пулю, не въ „поле“, а въ лобъ. Для лба это не бездѣлица.

Мы читывали нѣсколько такихъ рукописныхъ букварей и статей въ родѣ: „Опытъ обученія грамотѣ уральскихъ казаковъ („Военный Сборникъ“ 1859 г.)“. И теперь передъ нами лежитъ свѣжая рукопись, съ приложеніемъ превосходнаго букваря (*). А сколько подобныхъ опытовъ своеобразнаго обученія скрывается въ неизвѣстности! Впрочемъ, не беремъ

(*) Нашечатъ въ № 2 „Военнаго Сборника“.

опредѣлять ихъ достоинства въ отношеніи теоретической педагогики. Но мы твердо убѣждены, что школы, руководимыя составителями такихъ абзукъ, суть надежнѣйшіе разсадники грамотности въ войскахъ и въ народѣ. Да и не одной грамотности.

Это, впрочемъ, уже доказано самымъ убѣдительнымъ опытомъ: въ числѣ гвардейскихъ полковыхъ школъ, которыя мы видѣли въ 1861 и 1862 годахъ, двѣ, именно Финляндскаго и Конно-гренадерскаго полковъ, могли служить образцами. Скромность дѣятелей не выставила ихъ на общее вниманіе; но школы эти — фактъ, плодотворныя послѣдствія котораго несомнѣнны, хотя и нельзя ихъ выслѣдить.

Конечно, такого усердія можно только желать, но не требовать, ибо такія качества даются, какъ говорилъ покойный Марлинскій, „рѣдкому отъ природы и никому отъ казны“.

Уважаая только „возможное“, думаемъ, что всѣ, какіе гдѣ есть способы и методы, хороши, коли нѣтъ лучшихъ, и если учащіе принимаютъ дѣло къ сердцу, ведутъ его съ любовью, то трудъ ихъ непременно будетъ благотворенъ. А безъ этого не помогутъ никакія новѣйшія методы и руководства.

Далѣе—о книгахъ, о народной (т. е. простонародной) литературѣ.

Жалуются, и постоянно, на недостатокъ книгъ. Правда, книгъ, написанныхъ для народа, у насъ немного, притомъ половина изъ нихъ навѣрное никуда не годится. Но если степень обилія товара измѣряется числомъ потребителей его, и если количество нашихъ книгъ мы сравнимъ съ дѣйствительнымъ числомъ читателей, т. е. грамотныхъ людей, то, можетъ быть, окажется, что ни одна европейская литература, говоря относительно, такъ не богата народными книгами, какъ наша. У нѣмцевъ хотя и бездна книгъ, за то сколько же и читателей!

Напримѣръ, въ Баваріи въ 1864 году на 100 рекрутъ, призванныхъ на службу, оказалось всего 8 малограмотныхъ, т. е. плохо читающихъ и пишущихъ. Въ Пруссіи на 100 — 3 безграмотныхъ. А въ одномъ мелкомъ германскомъ государствѣ полковой командиръ, найдя въ числѣ 800 рекрутъ четырехъ безграмотныхъ, надѣлся такого шума, что потребовалось нарядить слѣдствіе по этому казусу.

У насъ статистика до подобныхъ тонкостей еще не дошла; числовыхъ данныхъ нѣтъ, да они пока и не очень нужны, потому что вѣрныхъ быть не могло, а невѣрныя только вводятъ

въ заблужденіе. Но положеніе дѣла достаточно выясняется и безъ статистики, простымъ соображеніемъ: книгъ больше, чѣмъ требованій на нихъ; книги залеживаются у продавцовъ и издателей, и рѣдкая, лучшая книга выдерживаетъ нѣсколько изданій. Слѣдовательно, прстонародная литература наша болѣе чѣмъ удовлетворительна: она богата. Доказательство — буквари: на обертку котораго ни взглянешь — все 10-я да 15-я тысяча. Потребность очевидная, за то и букварей больше чѣмъ требуется.

Это однако не значить, что, кромѣ букварей, намъ ничего не нужно и что народная литература наша уже такъ обильна и хороша, что и желать лучше не надо. Напротивъ, хорошія книги нужны, и всякое заявленіе этой потребности, всякое указаніе взятое съ опыта, изъ жизни—дѣло почтенное и необходимое. Оно направляетъ дѣятельность пишущихъ и составляющихъ книги. Мы только заявляемъ фактъ, опровергающій жалобы. А для сугубаго оправданія нашей народной литературы объяснимся категоричнѣе.

Жалуются, напримѣръ, что нѣтъ *ни одной* книги, которая была бы популярна у солдатъ; а если и есть недурныя книги, то онѣ написаны такимъ вычурнымъ и кудреватымъ слогомъ, что непонятны солдату, не вравятся ему.

Можетъ быть, это и правда. Но все-таки не литература тутъ виновата: нельзя допустить, чтобы въ литературѣ, существующей болѣе вѣка и украшенной многими почтенными именами, не нашлось *ни одной* книги, достойной популярности.

Дѣло въ томъ, что популярнымъ можетъ стать только то, что вполнѣ понимается большинствомъ(*)—это первое условіе. Кто же виноватъ если большинство, неумѣющее читать, не понимаетъ хорошей книги? Конечно, не оно, не большинство, а то меньшинство виновато, которое, имѣя всѣ способности понять достоинство книги, не потрудится прочесть и объяснить ее большинству.

Есть, напримѣръ, очень хорошія дѣтскія книги; дѣти читаютъ ихъ и не понимаютъ, пока родители или наставники не прочтутъ имъ сами и не объяснятъ толково содержанія. Недостатокъ навыка и развитія понятій во всѣхъ возрастахъ даетъ одинаковые результаты.

Приведемъ живой аналогическій примѣръ: на одну изъ ака-

(*) *Populus*—народъ, популярность—народность.

девическихъ выставокъ картинъ послано было человекъ десять рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ изъ полковой школы одного полка, конечно съ доброю цѣлію—освоивать людей съ подобными зрѣлищами. Кавалеры ходили въ толпѣ посѣтителей, не отставая другъ отъ друга, поглядывали на нестрѣлющія картинами стѣны, ни на чемъ не останавливались и пробирались поспорѣй изъ тѣсноты къ выходу. Встрѣтивъ знакомцевъ, я остановился съ ними именно передъ картиной Айвазовскаго, изображающей „троечниковъ у постоялаго двора“. Снѣгъ, голыя деревья, самоваръ на крыльцѣ—пейзажъ самый знакомый. Двое, къ которымъ я обратился съ вопросомъ, какъ нравится картина, видимо не понимали содержанія художественнаго — правда, въ маломъ размѣрѣ — изображенія всеиъ знакомой природы. Да такъ обстоятельно не понимали, что на вопросъ: „что тутъ нарисовано?“ отвѣчали, подумавъ: „да и Богъ знаетъ что такое!“ Унтеръ-офицеръ тоже не пошелъ далѣе опредѣленія: „такая, значитъ, картина!“

Какъ страннымъ ни кажется такое непониманіе, но мы не взводимъ небыллицы на добрыхъ людей, а говоримъ истину. Разумѣется, довольно было только поставить ихъ на яснѣйшую точку зрѣнія, на приличное разстояніе, да растолковать способъ взгляда на картину; довольно было легкимъ наведеніемъ направить дѣло, и тайна удовольствія была понята: „вишь и самоваръ кипитъ“, „постоялый дворъ, значитъ!“ шептали кавалеры.

Эта-та постановка на правильную точку зрѣнія, уясненіе взгляда, легкое наведеніе и есть вся тайна дѣла развитія. Покажите солдату писаную въ книгѣ картину правильно, т. е. прочтите ему книгу внятно, съ чувствомъ, и та же книга, въ которой онъ самъ ничего кромѣ тупой скуки не вычиталъ, вдругъ понравится ему и, чего добраго, станетъ популярною для всѣхъ.

Такимъ простымъ и сильнымъ для каждаго приѣмомъ въ разомъ пробуждаете дремлющую душу отъ ея прирожденной летаргіи и вводите ее въ новый, свѣтлый міръ мысли и тонкаго чувства—въ міръ искусства и, слѣдовательно, въ міръ духовной жизни. Разумѣется, только въ преддверіе этого міра; но важно уже и то, что человекъ перешагнулъ заколдованный кругъ и стоитъ въ сферѣ развитія.

Мы видѣли близко другой примѣръ: авторъ читалъ передъ

цѣлымъ баталіономъ далеко не художественное произведеніе—простенькую повѣстужку свою. Слушатели сперва глядѣли на него съ холоднымъ любопытствомъ; неподвижныя, точно мѣдныя лица выражали очень немного. Авторъ читалъ недурно повѣсть незатѣйливаго содержанія: въ ней былъ описанъ бѣдный, тупой, но добрый солдатикъ. Понемножку невзрачная фигура солдата обрисовалась съ такимъ сочувствіемъ и даже съ любовью къ нему автора, что эта любовь, точно какъ электрическій токъ, пробѣжала по всѣмъ дремлющимъ умамъ и здоровеннымъ сердцамъ слушателей. За минуту холодныя, неподвижныя лица оживились, взоры затеплились; кой у кого даже сверкнули слезы. Ужъ именно искры, добытыя изъ камня.

Чтеніе не продолжалось и часу, а общее выраженіе физиономій такъ измѣнилось, будто этотъ часъ проведенъ былъ въ нелегкой работѣ, въ родѣ ворочанія камней: нѣкыя лица раскраснѣлись, словно послѣ бани; нѣкыя о чемъ-то задумались, другіе улыбались и перешептывались между собою. Все ожило. Когда авторъ, окончивъ чтеніе, проходилъ черезъ толпу, со всѣхъ сторонъ ему сыпалась тихая, несмѣлая благодарность—его уже любили. Даже двѣ красныя руки загородили ему дорогу: огромный усачъ наклонился впередъ пылающимъ лицомъ и пробормоталъ дрожащимъ голосомъ несвязное, но исполненное чувства привѣтствіе.

Такіе примѣры—ихъ сотни въ арміи—и суть первые приемы и первые признаки духовнаго развитія такъ называемой массы. Они давно уже указаны опытомъ.

Приступая къ изученію какаго бы то ни было искусства, опытный мастеръ или учитель прежде всего осваиваетъ ученія съ предметами, подлежащими его изученію: показываетъ ему инструменты, модели и произведенія этого искусства или ремесла. Дѣло начинается какъ будто съ конца; но это-то и есть первый приемъ правильнаго обученія: объяснить цѣль науки, освоить съ нею и заохотить къ ней.

Прежде, нежели посадить ученика за скучное дѣло ученія букваря, надо убѣдить его въ пользѣ и удовольствіи, которыя принесетъ это изученіе. Лучшее убѣжденіе — собственный его опытъ: прочтите ему занимательную книгу, затроньте его любопытство, заинтересуйте его — и опытъ сдѣланъ. Разумѣется, есть натуры такія неподатливыя, что не доймешь ихъ никакимъ краснорѣчіемъ; но подобное исключеніе не наруша-

еть общаго для всѣхъ правила: начинать съ освоиванія съ предметовъ ученія и съ заохочиванія къ дѣлу.

Для такого приѣма въ нашей литературѣ книгъ довольно: почти у всѣхъ извѣстныхъ авторовъ можно найти много разсказовъ, повѣстей, совершенно понятныхъ для каждаго безграмотнаго. Дѣло въ выборѣ и въ искусствѣ чтенія.

Не только, напримѣръ, „Капитанская дочка“ Пушкина или „Купецъ Калашниковъ“ Лермонтова, написанныя съ художественной простотой, но и нѣкоторыя картинныя повѣсти Тургенева понятны солдатамъ и слушаются ими съ величайшимъ увлеченіемъ. Въ одной ротѣ л.-гв. Финляндскаго полка офицеръ прочелъ людямъ „Купца Калашникова“. Многіе пришли въ такой восторгъ, что непремѣнно пожелали приобрести книгу; но такъ какъ она оказалась дорогою, то выпросили ее у офицера на время, и двое взялись списать пьесу, и совершили этотъ подвигъ — полугверниковыми буквами, по линейкамъ. Можно ли послѣ этого жаловаться на несуществованіе книгъ, понятныхъ солдатамъ?

Конечно, такія книги, о которыхъ нѣсколько вѣстойчиво и, можетъ быть, напрасно хлопочутъ наши педагоги, т. е. книги, написанныя „простымъ и безъискусственнымъ слогомъ“, дѣйствительно рѣдки; но онѣ пока еще и не составляютъ крайней необходимости: онѣ будутъ необходимы тогда, когда *большинство* выучится само читать книги, т. е. когда будетъ грамотно, тогда и книги явятся. Слова нѣтъ, и теперь такія книги были бы полезны хотя меньшинству; но, во-первыхъ, какъ требующія большаго таланта писателя, подобныя книги рѣдки во всѣхъ литературахъ вообще, а потому ихъ почти нѣтъ въ нашей. Во-вторыхъ, самый завлекательный и полезный для неразвитыхъ людей родъ чтенія—произведенія беллетристическія, а такія произведенія почти никогда не пишутся „простымъ“ слогомъ. Этимъ такъ называемымъ „простымъ“ слогомъ написаны наши старыя народныя сказки да немногія дѣтскія книги; но ни тѣ, ни другія не могутъ служить развитію учащагося человѣка.

Еще менѣе основательно утвердившееся мнѣніе, будто „правоучительное направленіе книги не нравится и надоедаетъ солдату“. То есть, пожалуй, правоученія надоедаютъ всѣмъ и въ особенности, тѣмъ, кому они очень нужны; но эта-то особенность и породила въ образованномъ обществѣ ошибочное мнѣ-

нѣ о народѣ. Народъ, а слѣдовательно и солдаты вовсе не питаютъ такого упорнаго старанія отъ правоученій, какими проникнуты мы. Напротивъ, народъ не уважаетъ книги безъ правоучительной цѣли и считаетъ такую книгу, по меньшей мѣрѣ, забавою. Народъ не любитъ правоученій только въ сухой формѣ сентенціи; это ему, дѣйствительно, не нравится и надобно.

Намъ кажется, что въ настоящій періодъ жизни нашего народа—въ эпоху радикальныхъ реформъ—главная задача „народной“ литературы заключается именно въ облеченіи „надобъшихъ“ нравственныхъ сентенцій въ новую и болѣе завлекательную для народа форму: въ повѣсть о его же собственномъ бытѣ. Такая форма доступнѣе всякой другой пониманію и, слѣдовательно, убѣжденію неразвитаго человѣка: путемъ отчетливаго, такъ сказать, осязательнаго изображенія частныхъ фактовъ, она разъясняетъ общіе основные законы христіанской нравственности и справедливости, приводитъ къ сознанію долга и пробуждаетъ чувство законности; другими словами: вмѣсто животнаго ощущенія страха наказанія за проступки, водворяетъ въ человѣкѣ сознательную дисциплину.

Это—основаніе развитія. Затѣмъ уже элементарныя свѣдѣнія—юридическія, историческія, специально-военныя—помогутъ окончательно образовать честнаго и преданнаго отечеству воина. Но начинать воспитаніе солдата съ нихъ—начинать дѣло съ конца, идти отъ него, а не къ нему.

Вообще, въ дѣлѣ воспитанія, все равно, ребенка или взрослого, неразвитаго человѣка, послѣдовательность и постепенность такія условія, безъ которыхъ прочный успѣхъ невозможенъ. Между тѣмъ, строгое соблюденіе этихъ условій и составляетъ самую трудную задачу, особенно тамъ, гдѣ дѣло еще не установилось твердо. Естественная слабость, свойственная каждому зарождающемуся начинанію, заключается въ излишнемъ рвеніи, въ поспѣшности, въ стремленіи преждевременно утилизировать еще неувоенное знаніе. Какъ, напримѣръ, начинающій учиться живописи не довольствуется скучной, хотя и очень полезной, работою копій и этюдовъ, а непременно хочетъ поскорѣй написать самостоятельную картину—хотя бы бесполезный портретъ—такъ точно и нетвердый грамотѣй ищетъ зашпательной книги, которую, разумѣется, и не пойметъ.

Въ силу той же естественной слабости, и преподаватели поощряютъ иногда преждевременныя стремленія учениковъ.

Наконецъ, по той же причинѣ, при неустановившихся еще школахъ, возникаютъ у насъ настойчивыя требованія разныхъ учебниковъ для народа и специальныхъ солдатскихъ книжекъ, въ родѣ „памятныхъ, справочныхъ, настольныхъ“, и даже существуетъ въ солдатской литературѣ нѣсколько журналовъ, программы которыхъ, впрочемъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Конечно, еще лучше было бы, если бы въ полковыхъ, ротныхъ, эскадронныхъ канцеляріяхъ нѣкоторыхъ, особенно кавалерійскихъ, полковъ эти хорошія книги не хранились съ такою педантическою неприкосновенностію, какъ то случается, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; но, съ другой стороны, обстоятельство это указываетъ едва-ли на одну бережливость: оно намекаетъ отчасти и на современную ненужность хранимыхъ матеріаловъ. Можетъ быть, съ книгами другихъ родовъ—напримѣръ, съ букварями—этого и не случилось бы. Обстоятельство очень любопытное и требующее разъясненія. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему эта мертвая библіотека, могла ума и денегъ?

Положимъ, въ объясненіи духовной почвы народа, какъ и во всякомъ сѣяніи, не каждое зерно плодотворно: иное склюется птица, иное падеть на камень, а иное и само по себѣ пусто. Но противъ всѣхъ такихъ случайностей есть болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры: птицъ пугаютъ, камни убираютъ, а пустыя зерна вывѣиваютъ очень удобно; главнымъ же хозяйственнымъ правиломъ всюду и всегда пребудетъ неизмѣнная аксіома: „сперва воздѣлывать почву, а потомъ сѣять на ней“.

Это „воздѣлываніе“ духовной почвы людей и есть начальное нравственное развитіе; а разныя спеціальныя знанія—различныя сѣмена, дающія плодъ только на воздѣланной почвѣ.

Впрочемъ, изложенныя здѣсь мысли могутъ быть болѣе или менѣе ошибочны; въ частномъ ихъ развитіи могло вкратиться даже пристрастіе, отъ котораго никто не свободенъ: ни теоретики, ни, тѣмъ менѣе, практики. Вѣрнѣйшій судья въ такомъ дѣлѣ—опытъ: повторенный при различныхъ условіяхъ и въ разныхъ мѣстностяхъ, онъ дастъ результаты, которые и опредѣлятъ нормальное правило.

Все сказанное приводитъ къ такимъ выводамъ:

Слово—литература—замѣняетъ прежніе способы дисципли-

нарнаго развитія и образованія солдата; въ дѣлѣ воспитанія его, она признается необходимымъ факторомъ.

Для дѣйствительности этого фактора безусловно-необходима твердая, сознательная грамотность. Такая грамотность усваивается только послѣдовательнымъ, правильнымъ, т. е. систематическимъ обученіемъ.

Въ средствахъ обученія — въ руководствахъ и въ книгахъ для первоначальнаго чтенія—у насъ недостатка нѣтъ; въ учителяхъ—при уваженіи признаннаго дѣла—и быть его не можетъ.

Затѣмъ остается привести въ систему имѣющіеся педагогическіе способы и средства распространенія грамотности и обобщить эту систему по войскамъ.

Неизбѣжныя уклоненія отъ принятаго порядка, по разнымъ случайностямъ и мѣстнымъ условіямъ, не нарушаютъ общаго хода дѣла. Правильное развитіе грамотности привьется и не замедлитъ дать плоды: поможетъ развитію духовной, слѣдовательно и физической силы войска, а современемъ отзовется благотворно и на весь народъ.

Неправильное развитіе грамотности ведетъ за собой неудачу, охлажденіе къ дѣлу, напрасную трату средствъ и, разумѣется, окажется безплоднымъ для общей пользы.

А. ПОГОСКІЙ.